

охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних соответствует международно-правовым нормам и мировой законодательной практике.

На основании вышеизложенного предлагаем: законодательно раскрыть понятие «достижение половой зрелости»; утвердить новую специальную методику по определению половой зрелости; перенести ст. 134 УК РФ из главы 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» в главу 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Д. Г. Полещук, Белорусский государственный университет

Роль информации в современном обществе велика. Одновременно с пониманием огромной ценности информации возникает потребность в ее защите. Уголовное законодательство в этой сфере не лишено проблем. Статистика показывает, что преступления против информационной безопасности отличаются высокой латентностью. Перегруженность уголовного закона сложной терминологией, отсутствие комплексности и единства правового регулирования создают трудности квалификации перед правоприменителями. Рассмотрение составов преступлений главы 31 УК Республики Беларусь показывает, что включенными в нее нормами охраняются отношения, обеспечивающие гарантии непричинения существенного вреда нормальному функционированию компьютерной техники, сохранности компьютерной информации. Этот факт обуславливает необходимость приведения наименования данной главы в соответствие с охраняемыми уголовно-правовыми нормами общественными отношениями. Данное мнение не единично по своей природе и отстаивается, например, такими учеными, как Н. Ф. Ахраменка, Н. А. Швед и др. Полагаем логичным изложение названия главы 31 УК в следующей редакции «Преступления против компьютерной безопасности». Однозначным следует считать вывод о том, что состав несанкционированного доступа к компьютерной информации (ст. 349 УК) является основой уголовно-правовой охраны отношений в сфере компьютерной безопасности. Кроме этого, признак несанкционированного доступа является квалифицирующим в ряде составов преступлений (например, ч. 2 ст. 212, ч. 2 ст. 350, ч. 2 ст. 351 УК). Вопросы вызывает субъективная сторона данного состава и его конструкция. Части 1 и 3 ст. 349 УК – составы материальные и с неосторожной формой вины применительно к последствиям, а состав ч. 2 ст. 349 УК формальный с умышленной формой вины. Такое построение норм ст. 349 УК является следствием нарушения юридической техники и видится аномальным для действующего уголовного закона. Необходимо

отметить, что сам по себе несанкционированный доступ чисто теоретически может быть совершен не только умышленно, но и неосторожно, однако признание такого деления повлечет проблемы в доказывании вины соответствующего нарушителя. Иной вопрос возникает относительно последствий несанкционированного доступа. Учитывая характер данного преступления, а также сравнение санкций ч. 1, 2 и 3 указанной статьи предлагаем признать в целом все составы ст. 349 УК неосторожными по своей сущности и изложить ч. 2 ст. 349 УК в следующей редакции: «То же действие, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности, либо группой лиц по предварительному сговору, либо лицом, имеющим доступ к компьютерной системе или сети...». Кроме этого, полагаем, что из ч. 3 ст. 349 УК можно вычленить самостоятельный состав преступления, выделяемый также Н. Ф. Ахраменкой – ст. 349-1 «Самовольное пользование компьютерной техникой». Вопросы возникают и в ч. 2 ст. 349 УК относительно квалифицирующего признака специального субъекта. Исходя из анализа ч. 1 ст. 349 УК и специфики регулируемых отношений, компьютерная информация может храниться и на машинном носителе. В связи с этим считаем возможным изложение ч. 2 ст. 349 УК в редакции «... либо лицом, имеющим доступ к компьютерной системе, сети или *машинному носителю*». В части 1 ст. 351 УК вводится понятие компьютерной программы как предмета преступного посягательства. В то же время в ч. 1 ст. 349, ч. 1 ст. 350 она таковой не является, хотя из системности правового регулирования должна быть включена в указанные статьи. Следует отметить и ряд других проблем: отсутствие уголовно-правовой защиты информационной технологии, коллизия гражданского и уголовного законодательства в части авторского права на вредоносную компьютерную программу и др.

СУБКУЛЬТУРНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ КАК КОМПОНЕНТА ПОЗИТИВНЫХ И ДЕСТРУКТИВНЫХ (ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ) ПРОЯВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Л. М. Стрелюк, И. Ю. Карпушева, Донецкий юридический
институт МВД Украины*

Эта проблема исследовалась в работах таких ученых, как: Н. В. Скляр, Б. М. Бабий, А. Коэн, Т. Селлин и др. Вопрос влияния культурного релятивизма на состояние преступности является новым аспектом современной криминологической политики Украины. Сама этимология дефиниции «культурный релятивизм» дает криминологическое представление о том, что мы имеем дело с этнической преступностью. Конструктивное влияние культурного релятивизма, как составной общественного бытия, заключается в том, что члены общества выбирают общепри-